

М. Витухновская-Кауппала

Русская военная миссия в Италии: 1914–1918 гг.

Институт военных агентов (говоря современным языком, военных атташе) сформировался в России к началу XIX в., и с этого времени функции агентов неуклонно расширялись: от дипломатически-представительских до посреднических, консультационных, информационно-аналитических¹. В 1912 г. была обновлена инструкция агентов, в соответствии с которой они должны были, прежде всего, информировать свой Генеральный штаб о состоянии военных сил той страны, в которой находились. В их обязанности входила и агентурная разведка. Военные агенты подчинялись перед войной Отделу генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (Огенквар ГУГШ)².

В годы войны в Италии действовали одновременно и порознь три военных агента — полковники Оскар Карлович Энкель и Александр Михайлович Волконский и с 1917 г. — генерал Евгений Карлович Миллер³. Данная статья будет, главным образом, посвящена О.К. Энкелю, игравшему в эти годы ведущую роль в русской военной миссии в Италии.

Финский швед по рождению, Оскар Пауль Энкель происходил из известной и уважаемой военной семьи, его отец и дед были генералами русской армии⁴. К 1914 г. 36-летний Энкель был одним из руководителей русской военной разведки; его непосредственный начальник, заведующий Особым делопроизводством ГУГШ (разведка и контрразведка) генерал-майор Николай Августович Монкевиц дал ему в 1913 г. блестящую характеристику. В ней в частности говорилось: «Полковник Энкель является офицером исключительных служебных качеств; при громадной работоспособности и настойчивости, очень широком кругозоре, он должен быть признан талантливым исполнителем всех поручаемых ему работ, в особенности организационного характера <...>. В работе неутомим. Получил прекрасное общее и военное образование. Очень начитан. Свободно владеет французским, немецким, английским и шведским языками. Нравственных качеств безупречных.

Очень строг к себе. Товарищами очень любим и уважаем. Отличается большим тактом; обладает прекрасным светским воспитанием. <...> Достоин выдвижения вне очереди на должность военного агента»⁵.

Русской военной агентуре в Италии не везло на протяжении двух предвоенных лет. Занимавший эту должность с 1908 г. А.М. Волконский⁶ был уволен в ноябре–декабре 1912 г. вследствие скандала: он отказался подписать адрес царю, в котором тот именовался самодержцем⁷. Присланный ему на смену полковник Ф.Б. Булгарин менее чем через год покончил с собой⁸. Наконец, получивший назначение в Италию военный агент в Швейцарии полковник В.И. Ромейко-Гурко был отвергнут по просьбе итальянцев. В начале 1914 г. очередь дошла до О.К. Энкеля, который, правда, был до этого назначен на место военного агента в Бельгии и Нидерландах. Приказ о его назначении Николаем II был подписан 31 января 1914 г. В Рим Энкель прибыл 23 марта⁹.

Деятельность русской военной миссии в Италии в 1914–1918 гг. можно разделить на пять периодов, каждый из которых отличался своей спецификой. Рассмотрим кратко каждый из них.

1) От прибытия Энкеля в Италию до начала войны (март–июль 1914 г.). В это время основной задачей военной агентуры был систематический сбор и анализ информации об армии Италии и политико-экономическом состоянии страны. До прибытия Энкеля из-за чехарды военных агентов в Италии информация поступала в ГУГШ с перебоями, и качество ее оставляло желать лучшего. В течение четырех месяцев Энкель отправлял почти ежедневные подробные рапорты (а точнее — аналитические справки), в которых сообщалось о структуре управления войсками, составе армейских частей, технических новшествах в итальянской армии, системе подготовки населения к военной службе и т.п.¹⁰ Энкель констатировал, что Италия переживает опасный кризис: положение в стране политически нестабильно, а армия ослаблена (слабо обучена, недоукомплектована, недофинансирована и недостаточно вооружена). Значительная часть аналитических справок Энкеля была посвящена специфике внешней политики Италии: с одной стороны, страна была членом Тройственного союза, с другой — ее националистическое движение, опиравшееся на идеи ирредентизма, приводило к росту противоречий с Австро-Венгрией и стремлению к расширению сфер влияния¹¹.

2) От начала войны до вступления Италии в войну (1 августа 1914 г. – 23 мая 1915 г.). Перед началом войны военному агенту было категорически запрещено заниматься тайной разведкой без особого приказа, поэтому Энкель не смог создать нужной разведсети. Между тем, в ночь на 20 июля 1914 г., сразу после объявления войны (19 июля по ст. стилю) ГУГШ направило циркулярное требование в европейские столицы своим агентам. В нем говорилось: «во что бы то ни стало, не жалея средств, выяснить к 25 июля направление движения группы центральных германских корпусов»¹². Энкелю, одному из немногих, удалось выполнить поручение: уже на второй день после начала войны он отправил трех завербованных агентов через границу, и один из них через пять дней прислал из Дрездена телеграмму, согласно которой 4-й, 12-й и 19-й корпуса переводились против Франции¹³.

Но это было разовым заданием. Между тем, после начала войны русский Генеральный штаб остался без информации о Германии и Австрии, поэтому военным агентам предписывалось срочно создавать там разведывательные сети. 4 августа 1914 г. Энкель получил приказание внедрить в Германии агентуру для наблюдения за переброской германских войск с Западного фронта на Восточный. Довольно скоро ему удалось создать полноценную шпионскую сеть, которая получила название «Римская». Эта организация к январю 1916 г. состояла из 22 агентов-резидентов, собиравших информацию на территории Германии и Австро-Венгрии¹⁴.

«Римская» сеть проработала без сбоев и провалов до 1916 г., но мнения о ее значимости разделились: ГУГШ и штаб Юго-Западного фронта оценивали эффективность сети противоположным образом. Генштаб, проанализировав донесения «Римской» организации, пришел к выводу, что она являлась «провокационной», т.е. передавала Энкелю сведения, сфабрикованные германской разведкой. Штаб Юго-Западного фронта, со своей стороны, всецело доверял сведениям, предоставляемым агентами Энкеля, и высоко их оценивал¹⁵. Завершением этого сюжета стало решение ГУГШ о ликвидации «Римской» сети. Но оно не было осуществлено, и в конце 1916 г. сеть была передана начальнику русского отделения Межсоюзнического бюро в Париже ротмистру П. Игнатьеву¹⁶.

Вторая задача Энкеля заключалась в вербовке агентов влияния — тех, кто мог бы активно подталкивать Италию к вступлению в войну на стороне Антанты. Он финансировал издание провоенных листовок, а также издателя военного органа “La Preparazione” («Подготовка»), бывшего полковника Генерального штаба и профессора Военной академии, известного в Италии писателя Бароне¹⁷.

3) От вступления Италии в войну до отречения Николая II (23 мая 1915 г. — 15(2) марта 1917 г.). После того, как Италия объявила войну Австро-Венгрии, основная группировка итальянских войск сосредоточилась в районе реки Изонцо, где систематически предпринимались энергичные, но, как правило, малорезультативные попытки перейти в наступление. Верховное командование располагалось в городке Удине; при нем состояли все военные миссии, в том числе и русская под руководством О.К. Энкеля. Его статус изменился: он был назначен представителем русской армии при штабе Главнокомандующего вооруженными силами Италии. Временно исполняющим обязанности военного агента в Риме был назначен срочно отозванный из ополчения полковник А.М. Волконский¹⁸. Последний в частности занимался военными закупками, а позже — судьбами военнопленных.

Обязанности представителя русской армии при Главной итальянской квартире были разнообразны. Согласно более позднему рапорту сменщика Энкеля, генерала Миллера, в его задачи входило: осведомление Штаба Верховного главнокомандующего по вопросам оперативно-административного и военно-политического характера, ежедневное сообщение всех данных об итальянской армии, осведомление ГУГШ о данных агентурной разведки. Всю эту работу невозможно было выполнить без ежедневных контактов с начальниками отделений Штаба, личного ознакомления с ситуацией путем посещения штабов войск на фронте, систематического анализа печати, а также огромной канцелярской работы (разборки получаемых сведений, составления рапортов и донесений, шифровки и дешифровки сообщений и т.д.)¹⁹. Между тем, на всем протяжении существования миссии агентам остро не хватало компетентных помощников; и Волконский, и Энкель выполняли почти всю работу сами. А.М. Волконский писал из Рима в сентябре 1915 г.: «Удивительно, какая тупость: держать полковников, да еще таких, кои годны на военных агентов, за писарской работой! Ибо и Эн-

кель бедствует на фронте один, когда у француза 3 помощника, у англичанина 4»²⁰.

Итальянское и русское военное планирование были взаимозависимы — от удачи или неудачи наступательных операций одной стороны зависела сила австрийского удара по другой. Военный агент играл важную роль в координировании усилий русской и итальянской армий. Так, в 1915 г. на фронте в районе Изонцо было сковано до 25 австрийских дивизий. «Итальянское наступление, — отмечал А.М. Зайончковский, — было единственной реальной помощью русским войскам, которая выявилась в снятии с русского фронта первоначально двух, а потом еще в течение всего летнего периода восьми–десяти австрийских дивизий»²¹.

Когда в мае 1916 г. австрийцы начали наступление в районе Трентино, в Тироле, итальянское командование обратилось к русским с просьбой немедленно перейти в наступление армиями Юго-Западного фронта²². Начались переговоры, роль посредника в которых играл в том числе Энкель. Генерал Алексеев в своем всеподданнейшем докладе от 13 мая (по ст. ст.) сообщал царю, что «полковник Энкель считал 10 мая положение весьма серьезным вследствие обнаруженной войсками малой стойкости, при которой катастрофа может стать вопросом немногих дней. С 10 мая начинают поступать от полковника Ромей²³ (из Петрограда) и через полковника Энкеля просьбы высшего итальянского командования, по своему тону близкие к требованиям о немедленном наступлении нашей армии»²⁴. Алексеев сомневался, можно ли намеченное большое наступление начать раньше.

В итоге русское наступление, известное как Брусиловский прорыв, началось в соответствии с первоначальными планами. Австро-венгерская армия потерпела сокрушительное поражение, результатом которого стала, помимо прочего, срочная переброска войск с Итальянского и Западноевропейского фронтов в Галицию — всего было перебросено 30 пехотных и три кавалерийские дивизии²⁵. Итальянская армия была спасена от катастрофы. Брусилов писал в воспоминаниях: «... я продолжал бои на фронте <...> лишь в той мере, которая оказывалась необходимой для сковывания возможно большего количества войск противника, косвенно помогая этим нашим союзникам — итальянцам и французам»²⁶. Поражение при Трентино тем не менее стоило

итальянскому правительству отставки. В русской военной миссии в Риме шла своя напряженная работа под руководством А.М. Волконского. Из России в Италию поступали объемные военные заказы, прежде всего на автомобили и авиационные двигатели²⁷. Российское Министерство финансов заключило в октябре 1916 г. соглашение с итальянскими банками о предоставлении ими займа для оплаты этих заказов. Общая сумма контракта составляла 230 млн лир. «Это, — писал Энкель, — большое событие для Военной Агентуры в Италии»²⁸.

4) От Февральской революции до Октябрьского переворота 1917 г. На отлаженную работу русской военной миссии в Италии начали влиять те стремительные перемены, которые происходили в России. В июле–августе 1917 г. работа римской агентуры была дезорганизована комиссаром Временного правительства С.Г. Сватиковым²⁹, который был направлен в заграничную командировку с целью «произвести полное расследование деятельности русской заграничной политической агентуры Департамента полиции и ее ликвидации»³⁰. Он обнаружил злоупотребления в римской военной миссии, и сместил своей волей Волконского с его должности³¹. Деятельность военной агентуры в Риме застопорилась, и только сообщение председателя Особой следственной комиссии для расследования злоупотреблений по военному ведомству сенатора В.А. Балыца о невиновности Волконского позволило восстановить его в должности в конце августа³².

Вторым дезорганизующим фактором стало назначение на должность представителя Верховного командования при итальянской Главной квартире генерала Е.К. Миллера (одновременно на аналогичную должность во Францию был направлен генерал М.И. Занкевич, в Англию генерал К.Н. Дессино и в США генерал В.Х. Рооп). Новые представители русской армии при ставках союзников не должны были сменять бывших там до этого военных агентов; предполагалось, что последние должны были оставаться в миссиях в качестве представителей военного министерства³³. На лето было запланировано общее наступление союзников, и в связи с этим вопрос назначения представителей Верховного командующего был сочтен срочным. Назначение Миллера означало смещение Энкеля на должность военного агента, что он расценил как удар по тому авторитету, который успел завоевать в Италии. Оскорбленный Энкель потребовал отозвать его в Россию, и его прось-

ба была принята. 5 сентября он получил телеграмму из Генерального штаба: «Вследствие Вашего неоднократного настойчивого желания оставить пост военного агента, для замещения должности военного агента назначается генерал-майор Марушевский»³⁴.

Однако уехать из Италии Энкелю не удалось. События в России принимали все более непредсказуемый оборот, продолжалась чехарда высших должностных лиц в Генеральном штабе. В.В. Марушевский в октябре был назначен начальником Генерального штаба, и, таким образом, заменить Энкеля не мог. Миллер все не прибывал, между тем Волконского вызвали в Петроград, и сдавать дела было некому. Судя по журналу иностранных миссий, сохранившемуся в Военном архиве Италии, Миллер прибыл в Главную квартиру итальянской армии лишь 16 октября³⁵. Но к этому моменту сам штаб Верховного командования переместился в Падую³⁶, поскольку начиналось австрийское наступление. В России же произошел Октябрьский переворот.

5) После Октябрьского переворота. После переворота Генеральный штаб на общем собрании, «в довольно горячем и откровенном обмене мнений», решил продолжать работу в контакте с большевистским правительством³⁷. Это вызывало бурю возмущения в военных миссиях за границей. Одним из первых отреагировал Энкель, который уже 16 ноября 1917 г. отправил шифрованную телеграмму русскому военному агенту в Сербии генералу В.А. Артамонову: «Перед лицом тех последствий, к которым, по-видимому, может привести дальнейший захват власти большевиками, принял нижеследующее решение: Останусь на своем посту, доколе большевики не завладели Ставкой. Этот последний момент, если бы он наступил, определит собою по всем признакам фактический КОЛАПС и временный выход России из войны, т.е. измену общему делу союзников. В убеждении, что содействовать спасению Родины я с указанного момента буду бессилён, и что пассивное отношение к преступлению большевиков ляжет несмыслимым позором на мою личную честь, немедленно сложу с себя звание Русского офицера и возбужу ходатайство о принятии меня в Итальянскую армию»³⁸.

Волконский писал: «...с 26 октября старого стиля всякие сношения с Петроградом прекратил»³⁹; аналогичные послания были отправлены и Миллером. Многие из военных агентов приняли консолидированное решение отказаться от сотрудничества с ГУГШ⁴⁰. Стремясь избежать

попадания разведывательных данных в руки большевиков, военные агенты начали выстраивать иные, альтернативные пути доставки секретных сведений. Результатом этих попыток стало крайнее усложнение обмена разведанными, путаница и малая результативность работы.

В декабре 1917 г. большевики начали переговоры о сепаратном мире, и отношение к русской военной миссии в Италии резко изменилось: службы безопасности Королевства подозревали, что часть русских военных заражена большевизмом. За русскими офицерами пристально следили. 12 декабря 1917 г. военный министр В. Дзупелли сообщал: «Русские офицеры, которые были столь многочисленны в Риме, теперь кажутся исчезнувшими. <...> они более не носят военную форму для того, чтобы не подвергаться освистыванию и оскорблениям, которые становились частыми. <...> Необходимо было бы вести плотный надзор за ними, поскольку они очень опасны <...>»⁴¹. 1 марта 1918 г. военная миссия России при Главной итальянской квартире покинула Падую⁴².

Руководители русской военной миссии завершили свою карьеру в Италии по-разному. О.К. Энкель 26 февраля 1918 г. обратился через сербского военного агента в Италии Христича к военному министру Сербии с просьбой о зачислении его в сербскую армию. В телеграмме сербского атташе в частности говорилось: «Русский представитель при Верховном командовании Генерального штаба полковник Энкель не желает возвращаться в Россию и хочет поступить в нашу армию <...> Он вышел в отставку из русской армии, чтобы быть лояльным союзником, и поэтому он потерял службу и все, что он имел. <...> он может быть очень полезен, особенно для разведывательной службы <...> Австро-Венгерскую армию он знает лучше, чем кто-либо»⁴³. 24 февраля положительное решение было принято, и бывший русский военный агент О.К. Энкель отправился на Салоникский фронт.

Оставшийся в Риме генерал Миллер руководил созданным в Италии в мае 1918 г. «Союзом возрождения России в единении с союзниками», который стремился привлечь всех русских, живущих за границей, к «высокой цели воссоздания России»⁴⁴. Впрочем, вскоре и генерал Миллер покинул Италию: сначала он занимался в Париже вопросами отправки в Россию русских бригад из Франции и Македонии, а поздней осенью 1918 г. был приглашен на пост генерал-губернатора

Северной области, и отбыл в Архангельск. А.М. Волконский же, напротив, остался в Италии, с которой связал свою судьбу. Какое-то время он в качестве русского военного агента занимался вопросами военнопленных. Принявший еще до 1917 г. католичество⁴⁵, Волконский был в 1930 г. рукоположен в католические священники. Скончался он в Риме четыре года спустя.

Примечания

1. *Сергеев Е.Ю., Улунян А.А.* Военные агенты Российской империи в Европе, 1900–1914 гг. М., 1999. С. 33.
2. Там же. С. 393–400.
3. Е.К. Миллер являлся военным агентом в Италии и ранее (1901–1907).
4. Родословную Энкелей см.: Släkten Enckell, 1623–2000 / Sammanställd av Gerald Enckell. Lidingö, 2000.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 3. Д. 10559. Л. 2.
6. Александр Михайлович Волконский (1866–1934) — князь, выпускник Николаевской Академии Генштаба. После революции остался в Италии, приблизительно до ноября 1919 г. оставался в должности военного агента. (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)). Ф. 4644. Оп. 1. Д. 1, 4, 8).
7. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37967. Оп. 2. Д. 18. Л. 100.
8. Там же. Л. 20–31.
9. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 52. Л. 2–6.
10. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3473, 3474, 3475, 3476.
11. Такие части Австро-Венгрии, как Южный Тироль и район Триеста, рассматривались итальянскими националистами как отрезанные куски Италии (ирредента), которые следует с ней воссоединить.
12. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 81. Л. 5–5об.
13. Там же. Л. 6–6об.
14. *Звонарёв К.К.* Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Кн. 1. М., 2003. С. 190–195; *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. 3. Ч. 1. М., 2001. С. 58–61.
15. *Алексеев М.* Указ. соч. С. 72–73.

16. Там же. С. 73; *Звонарёв К.К.* Указ. соч. С. 241. Материалы о передаче «Римской» организации руководству русского отделения Межсоюзнического бюро в Париже см.: РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 98; О Межсоюзническом бюро см.: *Сергеев Е.Ю.* Военная разведка России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2012. № 2. С. 54.
17. РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Д. 81. Л. 15об.–16.
18. А.М. Волконский был отозван из ополчения 2 июня 1915 г. по ст. ст. и прибыл в Рим 12 июля. См. письма А.М. Волконского жене: ГАРФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 1385. Л. 53–87.
19. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 940. Л. 109.
20. Имеются в виду французский и британский военные атташе. См.: ГАРФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 1385. Л. 89
21. *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2002, С. 438.
22. *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. Париж, 1939. С. 434.
23. Полковник Ромей — руководитель итальянской военной миссии в России.
24. *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 435–436.
25. *Черников А.В.* Дипломатическое и военное сотрудничество Италии с Россией в годы Первой мировой войны (1914–1917). Диссертация ... канд. ист. н. Курск, 2002. С. 111.
26. *Брусиллов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 188.
27. Всего в 1915–1917 г. было закуплено и заказано в Италии 1840 авиамоторов с запчастями, 300 авиационных шасси ФИАТ, 255 легковых автомобилей, несколько сотен грузовиков, прожекторное оборудование, 7500 автомобильных шасси, 22052 призматических и 1130 галлилевских биноклей, орудия «Ансальдо» и боеприпасы к ним, а также большое количество серы для нужд военной промышленности. Италия, в свою очередь, получала из России хлеб, лес, пеньку, и другие виды сельскохозяйственных товаров. (*Черников А.В.* Указ. соч. С. 89–90).
28. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3474. Л. 138–142.
29. Сергей Григорьевич Сватиков (1880–1942) — общественный деятель, журналист, член РСДРП (меньшевик), впоследствии перешел на позиции ликвидаторства. С 17 мая 1917 г. был назначен на должность комиссара Временного правительства с особым поручением

- за границей. По возвращении Сватикова из командировки было начато более ста следственных производств. См.: *Маркедонов С.М.* С.Г. Сватиков — историк и общественный деятель. Ростов н/Д., 1999. С. 37–38. Отчеты Сватикова Временному правительству и другие материалы, связанные с ним, см.: ГАРФ. Ф. 324 (например, отчеты Сватикова: Ф. 324. Оп. 1. Д. 1, 2). С 1920 г. Сватиков находился в эмиграции, где изучал историю русского общественного движения.
30. *Маркедонов С.М.* Указ. соч. С.37.
31. ГАРФ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.
32. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 940. Л. 72–77.
33. Там же. Л. 43.
34. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4405. Л. 82.
35. Arm (Ufficio Storico dello Stato Maggiore — Историческое управление Генерального штаба Италии). В 1. 104/D, 52-e. Vol. 2.
36. Об этом можно судить по донесению сербского военного агента. См.: Архив Министерства иностранных дел Сербии. Р-3. Кутија 205. Фасцикла 3. Док. 2/151.
37. Воспоминания Рябикова П.Ф. // ГАРФ. Ф. 5793. Оп. 1. Д. 1в. Точнее должность Рябикова называлась «помощник обер-квартирмейстера по разведывательной части» (Л. 2об).
38. РГВИА. Ф. 15237. Оп. 1. Д. 36. Л. 132.
39. Там же. Л. 131.
40. См. об этом, например: РГВИА. Ф. 15237. Оп. 1. Д. 36.
41. L'Archivio Centrale dello Stato (ACS — Центральный Государственный архив Италии). Direzione Generale di Pubblica Sicurezza (Главное управление общественной безопасности). 1920. Busta 8.
42. См. об этом сообщение военного агента Сербии в Италии: Архив Министерства иностранных дел Сербии. Р-3. Кутија 205. Фасцикла 6. Док. 3/36.
43. Архив Министерства иностранных дел Сербии. Р-3. Кутија 205. Фасцикла 6. Док. 3/34.
44. ГАРФ. Ф. 5806. Оп. 1. Д. 23. Л. 13.
45. См. письмо об этом А.М. Волконского М.И. Занкевичу: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4405. Л. 147–147об.